

ОТ АНАЛИЗА ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И М. ПЕТРОСЯН)

В статье дается семантический количественный анализ вводных конструкций в произведениях, выдержанных в перволичном нарративе: романе М. Петросян в сопоставлении с аналогичными элементами в классической повести Ф. М. Достоевского. Данный подход рассматривается как перспективный для интерпретации смысла текста.

Ключевые слова: перволичный нарратив, смысл текста, вводные конструкции, текстовая модальность.

Вводные конструкции как метатекстовое средство обладают высоким потенциалом в создании художественной формы нарратива от первого лица. Данное средство выражения субъективной модальности, притом что рассказчик и так строит свое повествование через призму субъективного восприятия действительности, можно определить как интенсификатор субъективного начала, позволяющий художнику создать образ рассказчика и донести до читателя идею произведения. Семантику выражаемой вводными конструкциями модальности, количество вводных в тексте, соотносённость с характером отраженной в тексте и преломленной через обозначенный субъект восприятия действительности можно рассматривать как ключ к интерпретации художественного текста.

Для сопоставительного анализа привлечены «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского¹ и «Дом, в котором...» М. Петросян², произведения тематически близкие (персонажи в замкнутом пространстве, находящемся за гранью нормального, остро воспринимают себя и мир), но контрастные по времени создания, жанру и, соответственно, объему (роман М. Петросян объемом более 230,5 тыс. слов в трех книгах в 7 раз превышает объем двухчастной повести Ф. М. Достоевского объемом около 69,5 тыс. слов), по авторскому отношению к герою-рассказчику.

«Записки из подполья» — образец перволичного нарратива с исповедальным началом³. Монолог парадоксалиста, отстаивающего свою позицию, чуждую писателю, адресован абстрактному собеседнику, моделируемому говорящим. Самовыговаривание повествователя для автора произведения — художественный прием, благодаря которому он раскрывает мир своего героя. Монолог повествователя оформлен в виде главок, сгруппированных в части «Подполье» и «По поводу мокрого снега», в которых абзачное членение минимально, а в первой части практически отсутствует. Ф. М. Достоевский моделирует поток мыслей персонажа о себе, о своем месте в жизни. Об эгоцентричности повествования

свидетельствует уже употребление местоимения *я*, которое оформляет почти 1,5 тысячи предикативных частей, например, начало исповеди: *Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. Впрочем, я ни шиша не смысло в моей болезни и не знаю наверно, что у меня болит. Я не лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторов уважаю. К тому же я еще и суверен до крайности; ну, хоть настолько, чтоб уважать медицину. (Я достаточно образован, чтоб не быть суверенным, но я суверен.) Нет-с, я не хочу лечиться со злости (с. 133).*

Одновременно с маркированной местоимением эгоцентричностью повествующего субъекта в тексте Ф. М. Достоевского 395 вводных конструкций, т. е. в среднем 1 вводная конструкция на 95 слов, что позволяет говорить о высокой частотности вводных в тексте. Типичный для повести контекст с концентрацией вводных конструкций: *Я, например, ужасно самолюбив. Я мнителен и обидчив, как горбун или карлик, но, право, бывали со мною такие минуты, что если б случилось, что мне бы дали пощечину, то, может быть, я был бы даже и этому рад. Говорю серьезно: наверно, я бы сумел отыскать и тут своего рода наслаждение, разумеется, наслаждение отчаяния, но в отчаянии-то и бывают самые жгучие наслаждения, особенно когда уж очень сильно сознаешь безвыходность своего положения (с. 138).*

Структура романа М. Петросян в отношении нарратора полифонична, полисубъектна: от книги к книге нарратор меняется. В первой книге это Курильщик, во второй (формы нарратива от 1-го и 3-го лица чередуются) — Табаки, в третьей (форма нарратива от 1-го лица, осложненная введением разных повествующих субъектов в части «Голоса из наружности», сочетается с нарративом от 3-го лица) — Сфинкс. Употребление местоимения *я* мотивируется только контекстами 1) самооценок: *Собрание проводилось в классе. На доске написали: «Обсуждение обуви». Цирк и маразм, только мне было не до смеха, потому что я устал от этих игр, от умниц-игроков и самого этого места. Устал так сильно, что почти уже разучился смеяться (т. 1, с. 4); 2) осмысления слов и поступков других людей: *Слепой предлагает послать Толстого с письмом, мотивируя это тем, что в Толстом больше душевности. Мне эта идея нравится. Я сомневаюсь в Слепом. В его талантах просителя. Он не тот человек, который сумеет в нужном месте дрогнуть голосом, проявить настойчивость и определенное занудство. Я бы сумел. И поражен, что стая, оказывается, не в состоянии этого оценить (т. 2, с. 19); 3) прямой речи и косвенной речи. Фокус внимания не сконцентрирован исключительно на эго повествующего субъекта. Как повествователь видит и как понимает слова и поступки других — вот основа данной художественной формы. Так создается образ дома-интерната для отказных детей-инвалидов, воспринимаемый подростками и как враждебный, и как единственно возможный для них. С этим связано и включение в повествова-**

ние вводных конструкций. В романе М. Петросян их 1036 — 1 вводная конструкция на 223 слова, то есть частотность вводных почти в 3 раза ниже по сравнению с текстом Ф. М. Достоевского. Автор трилогии избегает интенсификации субъективного начала в перволичном нарративе: судьба подростков трагична, но герои романа, осознавая это, нарочито не драматизируют повествование о своей жизни.

Принципиально важна не только частотность вводных элементов в тексте, но и семантика вносимой ими модальности в двух контрастных произведениях. Сопоставимыми оказываются группы синонимичных вводных конструкций или отдельных вводных, встречающихся в двух или в одном из двух текстов (количественные показатели даны в скобках (Достоевский/Петросян)).

1. Вводные, выражающие утверждение, которое основывается на предположении, впечатлении говорящего⁴: *видно* (4/10), *повидимому* (2/3), *верно* (8/0), *наверно* (14/0) / *наверное* (0/132) — *вероятно* (1/7) — *судя по всему* (0/3) — *верно* (8/0) — *очевидно* (6/1) — *(как) видно* (4/10) — *должно быть* (5/56) — *надо думать* (0/5) — *надо полагать* (0/3) — *похоже* (0/3) — *видать* (0/1) — *знать* (3/0)⁵. Данная группа составляет 13,5% всех вводных в тексте Ф. М. Достоевского и 22,5% — в тексте М. Петросян, например: *В коридоре оказывается, что от меня действительно слишком много шума. Дает о себе знать удаление из рюкзака такого крупного предмета, как котелок. Что-то там внутри сдвинулось и побрякивает, что-то, что котелок, повидимому, прижимал* (т. 3, 106).

Вводные, выражающие неуверенное предположение о возможности, вероятности, допустимости чего-л.: *возможно* (0/28) — *может быть* (52/27) / *может* (19/261) — *кажется* (26/77) — *пожалуй*¹ (37/22) — *должно быть* (5/43) — *если хотите* (1/0), — 35,5% у Ф. М. Достоевского, 44,5% у М. Петросян, например: *Он глуп, я в этом с вами не спору, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете? Может быть, это даже очень красиво* (с. 139–140).

2. Вводные, выражающие твердую уверенность говорящего в достоверности, истинности высказывания: *конечно* (31/131) — *разумеется* (35/3) — *само собой* (0/2) — *несомненно* (0/7) — *естественно* (0/7), — составляют 16,5% в тексте Ф. М. Достоевского, 14,5% — М. Петросян: *Говорю серьезно: наверно, я бы сумел отыскать и тут своего рода наслаждение, разумеется, наслаждение отчаяния, но в отчаянии-то и бывают самые жгучие наслаждения, особенно когда уж очень сильно сознаешь безвыходность своего положения* (с. 138); *Сейчас, глядя на Черного, я подумал, что если кто в четвертой и выглядит как вожак, то, конечно, он, а вовсе не Слепой* (т. 1, 19).

3. Вводные, употребляющиеся для подтверждения правильности того, что сказано ранее: *действительно* (4/13) — *правда* (1/31), — немногочисленны: 1,5% и 4,5% соответственно.

4. Вводные, указывающие на то, что «информация пришла говорящему на ум под влиянием предыдущей речи»⁶: *кстати* (0/19) — *между прочим* (0/15), — отсутствуют в тексте Ф. М. Достоевского и составляют 3,5% вводных исключительно в контексте прямой речи, включенной в перволичный нарратив, в романе М. Петросян: — *Да, кстати,* — *припоминаю я.* — *Больше всего подарков получал Слепой* (т. 2, 87).

5. Вводное *впрочем* (57/9), выражающее нерешительность, колебание, сомнение говорящего (МАС), в первом тексте составляет 14,5% всех вводных, во втором — 0,5%.

В «Записках из подполья» вводное *впрочем* является одним из средств характеристики речи повествователя, т. к. встречается в полемически накаленных частях монолога с предполагаемым адресатом, которого повествователь воспринимает как противника своих убеждений: *А, впрочем, знаете что: я убежден, что нашего брата подпольного нужно в узде держать* (с. 163); *Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чем-то перед вами раскаиваюсь, что я в чем-то у вас прощения прошу?.. Я уверен, что вам это кажется... А впрочем, уверяю вас, что мне все равно, если и кажется...* (с. 35). Аналогичную текстовую функцию выполняет вводное *видите ли* (4/1), указывающее на адресованность речи говорящего, привлекающее внимание собеседника. Оно встречается в контексте переданной в монологе прямой речи. Парадоксалист Ф. М. Достоевского требует внимания от адресата, стремясь выговориться, поэтому текст (особенно 1 части) насыщен обращениями: *господа, о господа*, апелляциями к адресату: *«Не шутите, это так»* (с. 147); *«О скажите...»*, *«Эх, господа! Да ведь и вам он приятель; да и кому, кому он не приятель!»* (с. 149), моделируемым диалогом с читателем: *«- Ну, так все-таки выгоды же, — перебиваете вы меня. Позвольте-с, мы еще объяснимся...»* (с. 150); *«- Ха-ха-ха! Да ведь хотенья-то в сущности, если хотите, и нет! — прерываете вы с хохотом...»* (с. 153). При обилии подобных маркеров диалогизма вводные являются избыточными.

В «Доме, в котором...», напротив, диалогизм с адресатом отсутствует, маркируется значение, характерное для вводных группы 4 (сигнал об информации, возникшей по ассоциации): *Моя нелюбовь к Черному как раз из таких. Как, впрочем, и его нелюбовь ко мне* (т. 1, 95); *Нелепая пижама Лорду к лицу, как, впрочем, все, в чем мне доводилось его видеть* (т. 3, 101).

6. Вводное, употребляющееся для выражения иронии по поводу общаемого, для иронического цитирования чужей-л. речи, *видите ли* отсутствует в тексте Достоевского и единично (7, т. е. 0,5%) в тексте М. Петросян, причем сопровождает прямую речь, например, Черного: *Скажи спасибо, что жив остался. Котом он, видите ли, был!* (т. 2, 139).

7. Поясняющее, конкретизирующее мысль вводное *например* (39/39), указывающие на последовательность / логику изложения вводные *во-первых* (6/0), *следовательно* (1/2), *итак* (3/3), *значит* (11/56)

составляют в первом тексте 15,5%, во втором — 9,5%: *Положим, например, она тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить* (с. 140); *Ящиков оскорбить было труднее. Хотя и они иногда обижались. Например, им не нравилось, когда их называли Ящиками* (т. 2, 5–6).

8. Вводное *бывало*, указывающее на то, что названное происходило неоднократно, встречается только в тексте Ф. М. Достоевского (12/0) и составляет 3%: *Как нарочно и влопаюсь, бывало, в таком случае, когда сам ни сном, ни духом не виноват. Это уже было всего гаже* (с. 145). Для повествования М. Петросян о жизни в интернате оно не актуально: все, что в нем происходит, не соотносится с жизненным опытом героев.

Таким образом, с позиции повествующего субъекта маркированной становится модальность гипотетичности, ярче представленная в перволичном нарративе в трилогии М. Петросян (почти 67% всех вводных) по сравнению с исповедью героя Ф. М. Достоевского (49%), в которой второе место занимают контексты с модальностью категоричности, как и в романе М. Петросян, и прагматикой конкретизации-пояснения, слабее представленной в романе.

Таким образом, вводные конструкции выступают и как синтаксическое средство моделирования языка рассказчика (например, вводное *впрочем*), и как средство трактования Ф. М. Достоевским индивидуализма (крайнего эгоцентризма) «западного человека», они избраны Достоевским для выражения собственной позиции⁷.

В романе М. Петросян вводные характеризуют процесс познания, осмысления жизни подростками-инвалидами, что определило, по словам автора, субъектную перспективу в романе: «Если вы посмотрите на объемы текста и сопоставите с тем, от чьего лица что рассказывается, там получатся три главных персонажа — Курильщик, Табаки и Сфинкс. Если кому и дается больше голоса, то — им. Но Курильщик для меня — это персонаж, который вводит нас туда, он помогает войти, а потом начинает мешать, потому что мешает смотреть на происходящее глазами героев, поэтому он исчезает в середине книги... Когда смотришь изнутри повествования, даже с позиции Сфинкса, это довольно понятно — то, что сделал Слепой. Хотя на самом деле это, конечно же, ужасно...⁸ Меня рассказчика, от лица которого ведется повествование о жизни в доме-интернате для отказных детей-инвалидов, М. Петросян сохраняет (на фоне Ф. М. Достоевского) сдержанность в использовании специализированных «субъективаторов» — вводных конструкций.

Интерпретация современного художественного текста, который представляет трудности восприятия, особенно в иностранной аудитории, с опорой на текст классической литературы, ставшей эталоном повествовательной формы, с комментированием особенностей введения писателем в перволичный нарратив вводных конструкций представляется перспективной, поскольку раскрывает реализованные в тексте

стратегемы общения, понятия, интерпретированного В. З. Демьянковым⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 10-ти т. Т. 4. М., 1956. С. 133–244.

² *Петросян М.* Дом, в котором... Т. 1–3. М.: Livebook/Гаярти, 2012.

³ *Иванчикова Е. А.* Автор в повествовательной структуре исповеди и мемуаров (на материале произведений Достоевского) // Язык как творчество. К 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996. С. 250–255.

⁴ Семантизация вводных проводится на основе: Словарь структурных слов русского языка (СССРЯ) / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. М.: Лазурь, 1997. 420 с. (далее СССРЯ); Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. Т. 1–4 (МАС).

⁵ Словарь структурных слов русского языка (СССРЯ).

⁶ СССРЯ. С. 176.

⁷ Серман И. З. Примечания // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1956. См. с. 597: «В характере и поведении подпольного «парадоксалиста» Достоевский показал человека, внутренняя жизнь которого целиком заполнена стремлением утвердить во что бы то ни стало свое своеволие как принцип отношения к миру, к человечеству, как принцип поведения».

⁸ *Петросян Мариам.* «Мои герои не хотят расставаться со своим детством» [Электронный ресурс] // Первое сентября. № 1. 2010.:URL: http://ps.1september.ru/view_article.php?ID=201000128.

⁹ *Демьянков В. З.* Интерпретация текста и стратегемы поведения // Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования). М.: Институт языкознания АН СССР, 1979. С. 109–116.

Vyatkina S. V.

Saint Petersburg State University, Russia

UP TO THE FICTIONAL NARRATION MEANING INTERPRETATION THROUGH ANALYSIS OF PARENTHETICAL ELEMENTS (F. M. DOSTOIEVSKYI AND M. PETROSYAN)

The article offers semantic and statistical analysis of parenthetical elements in the novel by Mariam Petrosyan in comparison with the same elements in classical F. M. Dostoyevskyi's novel written in the 1-st form narrative. This way is considered to be perspective for text meaning explication.

Keywords: 1-st-person narrative, the meaning of a text, parantetic elements, text modality.